

Могучий Ганс

Жили-были муж и жена, и был у них единственный ребенок, и жили они одиноко, среди долины, лежащей в стороне от дорог.

Однажды мать пошла в лес за хворостом и взяла с собою Ганса, которому было два года. Дело было весною, и ребенок забавлялся пестрыми цветами, она и шла с ним все далее в глубь леса.

Вдруг из-за кустов выскочили двое разбойников, схватили и мать, и дитя и повели их в самую чащу дремучего леса, где из году в год не ступала нога человеческая. Бедная женщина умоляла разбойников отпустить ее с ребенком на волю, но у разбойников сердце было каменное: они и слышать не хотели их просьбы и мольбы.

После двух часов пути они пришли к скале, в которой проделана была дверь; разбойники постучались, и она тотчас отворилась.

Прошли они по длинному, темному проходу и пришли в пещеру, освещенную огнем, горевшим в очаге. По стенам были развешаны мечи, сабли и всякое другое оружие, сверкавшее при Огне, а посреди пещеры стоял большой черный стол, а во главе стола — атаман.

Он подошел к перепуганной женщине, стал ее уговаривать и успокаивать, и сказал, что они ей никакого зла не сделают, добавив: «Прими на себя заботы о нашем доме, и если все у тебя будет в порядке, то и тебе у нас недурно будет».

Много лет сряду бедняжка оставалась на службе у разбойников, и Ганс тем временем успел вырасти и окрепнуть. Мать забавляла его рассказами, а по старой рыцарской книге научила его и читать.

Когда Гансу минуло девять лет, он вырубил себе крепкую дубину и припрятал ее позади кровати; затем он пошел к матери своей и сказал: «Матушка, скажи ты мне: кто мой отец? Я хочу и должен это знать!»

Мать молчала и не хотела ему говорить, опасаясь, как бы он не истосковался по дому своему; а между тем сердце у нее разрывалось при мысли, что Ганс никогда не увидит отца своего...

Когда разбойники вернулись со своих хищнических подвигов, Ганс вытащил дубинку, стал перед атаманом и сказал: «Я хочу знать, кто мой отец, и если ты не скажешь, я пришибу тебя на месте!»

Атаман засмеялся да такую дал пощечину Гансу, что тот покатился под стол. Поднялся Ганс на ноги, смолчал и подумал: «Обожду еще годок и тогда попытаю — может быть, дело и лучше пойдет?»

Когда год минул, он опять вытащил свою дубинку, полюбовался на нее, обтер с нее пыль и сказал: «Крепкая, славная дубинка!»

Ночью вернулись разбойники, стали пить вино кружку за кружкой, да наконец и головушки склонили. Тут Ганс вытащил дубинку, опять стал перед атаманом и спросил его: «Кто мой отец?»

Атаман опять дал ему такую оплеуху, что Ганс покатился под стол, но тотчас же поднялся, набросился с дубинкой на атамана и разбойников и так их избил, что они ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть. Мать из угла смотрела на это и не могла надивиться храбрости и силе своего сына. Покончив с разбойниками, Ганс опять обратился к матери с вопросом об отце своем. «Милый Ганс, — отвечала ему мать, — пойдем вместе его разыскивать и отыщем». Она взяла у атамана ключ от входной двери, а Ганс добыл большой мешок, набил его туго золотом, серебром и всяким добром и взвалил его на спину.

Так ушли они из разбойничьего вертепа, и как же Ганс был поражен, когда из мрака пещеры вышел на свет Божий и увидел зелень леса, цветы и птичек, порхавших на солнце! Он останавливался и смотрел на все это, словно был не в своем уме.

Мать разыскала дорогу домой, и после двух часов ходьбы они благополучно прибыли в свою уединенную долину, к своему домику.

Отец сидел у дверей и расплакался от радости, увидев вновь своего сына и жену, которых он давно уже почитал умершими. Однако же Ганс, хоть ему и было двенадцать лет, был на голову выше отца своего.

Вошли они в дом; но чуть только Ганс опустил мешок свой на лавку, весь дом затрепал, скамья подломилась, а за нею и пол тоже, и мешок прямо провалился в подполье.

«Господи Боже мой! Да что же это такое? Ведь ты весь наш дом поломал!» — «Не стоит об этом и тревожиться, — сказал Ганс отцу, — там в мешке есть на что дом заново построить».

И вот отец с Гансом принялись тотчас же строить новый дом, скот покупать и хозяйничать. Ганс пахал землю, и когда он позади плуга шел, напирая на него руками, то быкам почти не приходилось тащить плуг.

На следующую весну Ганс сказал: «Батюшка, оставьте при себе деньги и прикажите мне выковать посошок подорожный в два с половиною пуда весом, с ним пойду я по белу свету странствовать».

Когда его желание было исполнено, он покинул отцовский дом, пошел путем-дорогою и зашел вскоре в дремучий и темный лес. И вот услышал он, что где-то трещит и поскрипывает что-то, и увидел сосну, которая снизу и доверху была вся перекручена, как толстый канат; глянул Ганс вверх и увидел рослого малого, который, ухватив дерево за вершину, крутил его на корню как ивовый пруттик. «Эге! — крикнул Ганс. — Ты это что там делаешь?» Малый отвечал: «Да вот, вчера навалил я хворост грудями, так теперь к тому хворосту канат кручу».

«Недурно! — подумал про себя Ганс. — У этого малого силенка есть». И потом закричал малому: «Брось это и пойдем со мною!» Малый слез с дерева и оказался на целую голову выше Ганса, хотя тот был не низок. «С этой поры, — сказал Ганс, — я тебя Закруткой и буду звать».

Пошли они далее и слышат, как что-то стучит с такою силою, что при каждом ударе земля дрожит. Вскоре после того подошли они к громадной скале, перед которой стоял великан и кулаком отбивал от нее большие каменные глыбы.

Когда Ганс его спросил, зачем он это делает, тот отвечал: «Мне ночью спать не дают волки и медведи и прочая подобная мелюзга — бродят кругом меня, обнюхивают; так вот себе для покоя хочу дом построить и в том доме спать».

«Пожалуй, и этот может пригодиться», — подумал Ганс и сказал ему: «Брось эту постройку, пойдем со мною; я тебя стану называть Дробилой». Тот согласился, и пошли они втроем, и куда ни приходили, всюду дикие звери бежали от них без оглядки.

Вечером зашли они в старый, покинутый замок, поднялись наверх и легли спать в зале. Наутро Ганс сошел в сад, совсем заглохший и заросший терновником и бурьяном. И вдруг бросился на него кабан, но Ганс не смутился и такой нанес ему удар своей палицей, что тот пал на месте. Тогда он взвалил его на плечи и отнес наверх; надев кабана на вертел, они стали его жарить и были очень веселы.

Вот и уговорились они, что каждый день двое должны по очереди ходить на охоту, а один должен дома оставаться и варить на каждого по девять фунтов мяса.

В первый день остался дома Закрутка, а Ганс и Дробила пошли на охоту. В то время, как Закрутка был занят приготовлением пищи, в замок пришел старый сгорбленный человечек и потребовал себя мяса. «Убирайся вон, старая крыса! — отвечал Закрутка. — Какое еще тебе мясо нужно!»

Но каково же было удивление Закрутки, когда этот маленький неказистый человечешка вдруг на него вскочил и принялся его так дубасить кулаком, что он и защититься не сумел, пал на землю и еле дышать мог. Человечек, однако же, ушел не прежде, чем выместил на нем всю свою злобу.

Когда вернулись с охоты его двое товарищей, Закрутка не сказал им ничего о старом человечке и о происшедшей между ними потасовке, а сам подумал: «Как они дома останутся, так пусть-ка с этим старым ежом побиться попробуют!» — и эта мысль доставила ему некоторое удовольствие.

На следующее утро остался дома Дробила, и с ним случилось то же, что с Закруткой: и его тоже избил человечек за то, что он не хотел ему дать мяса.

Когда остальные двое товарищей вернулись вечером домой. Закрутка заметил, что и Дробиле тоже досталось порядком; однако же оба смолчали и думали про себя: «Пусть и Ганс той же похлебки отведает!»

Ганс, оставшись на следующий день дома, стоял себе у очага и снимал пену с котла, как явился тот же человечек и без дальних околичностей потребовал себе кусок мяса. Ганс подумал: «Дам-ка этому бедняку кусок от моей доли, чтобы других не обделить», — и подал ему кусок мяса.

Когда карлик мясо съел, он потребовал себе еще, и добродушный Ганс еще дал ему хороший кусочек, сказав, что больше дать не может. Но тот потребовал и третьего куска. «Совести у тебя нет!» — сказал Ганс и ничего ему не дал.

Тогда вздумал было злой карлик и на него тоже вскочить и отделать его так же, как Закрутку и Дробилу, но не на того напал. Ганс дал ему пару таких пинков, что тот слетел со всей лестницы разом.

Ганс хотел за ним бежать, да растянулся на лестнице, споткнувшись о карлика. Когда он опять поднялся на ноги, карлик уже далеко обогнал его.

Ганс поспешил за ним, добежал до леса и видел, как тот юркнул в одну из пещер в скале. Ганс заметил это место и пошел домой.

Оба товарища, вернувшись, удивились тому, что нашли Ганса совершенно спокойным. Тот рассказал им о случившемся, да и они от него не скрыли то,

что у них было с карликом. Ганс рассмеялся и сказал: «И поделом вам! Зачем вы так скупились на мясо? Но стыдно, что при вашем росте и силе вы дали себя побить карлику!»

Затем они взяли корзину и толстый канат и втроем отправились к пещере в скале, к жилью карлика; в корзине они и спустились туда Ганса с его палицей.

Опустившись на дно пещеры, Ганс разыскал там дверь, а как отворил ее, то увидел за нею в комнате красавицу писаную, а рядом с нею сидел карлик и скалил на него зубы, словно злая обезьяна.

А красавица-то была в цепи закована и так печально взглянула на Ганса, что ему стало жаль ее, и он подумал: «Я должен ее освободить из-под власти злого карлика!» — да так ударил его своей палицей, что тот пал наземь мертвый. Тотчас же спали цепи с красавицы, и Ганс был очарован ее красотой.

Тут она рассказала ему, что она — королевская дочь, которую граф-злодей похитил из ее отчизны и здесь заключил среди скал потому только, что она его знать не хотела; а этого карлика граф посадил ее стеречь, и ей пришлось от него вытерпеть много горя и притеснений.

После всех этих разговоров Ганс посадил красавицу в корзину и приказал ее тащить вверх. Корзина поднялась и вновь опустилась на дно пещеры, но Ганс не решился довериться своим товарищам и подумал: «Они уж выказали свое лукавство в том, что ничего не сказали мне о карлике, кто их знает, что теперь у них на уме».

Вот и положил он в корзину только свою палицу, и это было для него большое счастье, потому что чуть только корзина поднялась до половины высоты, они ее сбросили вниз, и если бы Ганс в ней сидел, то убился бы насмерть.

Беда была только в том, что он не знал, как бы ему из этой пропасти выбраться, и сколько он об этом ни думал, ничего придумать не мог. «Грустно сознавать, что тут помереть придется!» — подумал про себя Ганс.

Так-то размышляя и шагая взад и вперед, он опять прошел к той комнатке, где раньше сидела в цепях красотка, и тут он увидел, что у карлика на пальце блестит и светится какое-то кольцо.

Он это кольцо у карлика снял, надел на свой палец и чуть только на пальце его повернул, то вдруг услышал, как что-то зашумело у него над головою.

Он глянул вверх и увидел над собою воздушных духов, которые сказали ему, что он их господин, и стали спрашивать, чего он желает. Ганс сначала

оторопел, но потом приказал им поднять себя наверх. Они ему тотчас повиновались, и он полетел, как на крыльях.

Когда же он очутился наверху, там уже никого не было, и в замке тоже никого. Закрутка и Дробила успели бежать и красавицу с собою увели.

Но Ганс опять повернул кольцо, и явились к нему воздушные духи и доложили ему, что его товарищи уже на море.

Помчался им вслед наш Ганс и мчался, пока не достиг берега моря; там, далеко-далеко на море, он увидел кораблик, в котором уплывали от него его бесчестные товарищи.

И вот, в величайшем гневе, ни о чем не раздумывая, Ганс бросился в воду вместе со своею палицей и пустился плыть по волнам; но тяжелая палица тянула его книзу, так что он чуть не потонул. Еще вовремя успел он повернуть кольцо, и явились воздушные духи и с быстротою молнии перенесли его на кораблик.

Тут он двумя взмахами покончил со своими дурными товарищами и выбросил их в море; потом направился к берегу с перепуганной красавицей, которую он освободил вторично.

Он отвез ее к отцу с матерью, был с ней повенчан, и веселью их конца не было.